

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 10 ІЮНЯ 1926
JEUDI, 10 JUIN 1926

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe — « LES DERNIÈRES NOUVELLES ». Directeur P. N. MILIOUKOV

ЧЕТВЕРГЪ, 10 ІЮНЯ 1926
JEUDI, 10 JUIN 1926

№ 1905

7-Я ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

160

ABONNEMENT AUX « DERNIÈRES NOUVELLES »
(Partant du 1er et 16 de chaque mois)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА « ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ »
(съ 1-го и 16-го числа каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France . . .	11	30	55	105
За-границей . . . Etranger . . .	18	50	95	175

Перемѣна адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Подписка принимается въ Конторѣ газеты
и въ ея отдѣленіяхъ, а также во всѣхъ почт.
отдѣленіяхъ.

Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.
Цѣна въ Парижѣ и провинціи — 40 сантим.
за-границей — 70 сантим.

REDACTION ET ADMINISTRATION
РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА

26, rue Buffault 26, Paris (IX). Тел.ф. Trudaine 25-07. Тел. отдѣла объявленій Trudaine 24-76.

On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans
tous les Bureaux de poste.

Apposez aux Bureaux du Journal.

Le numéro : Paris et Départements — 40 s.
Etranger — 70 cent.

Adresse Télégraphique : DERNOUVED
Телеграфный адресъ : PARIS

ABONNEMENT AUX « DERNIÈRES NOUVELLES »
et LE JOURNAL « ZWENO »
НА « ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ » СЪ ЖУРНАЛЪ « ЗВЕНО »

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France . . .	13	35	65	125
За-границей . . . Etranger . . .	22	60	115	215

№ 1905

7-ме

ANNEE

160

Театральный калейдоскопъ

А. Р. Кугель продолжает печатать свои литературные и театральные воспоминания. Вторая книжка — "Листья съ дерева" — только что вышла в Петрограде (Изд. "Время"). Написана она очень живо съ наблюдательностью и скрупулезностью, которые всегда были свойственны. Што почувствую — и съ меланхолией, какой раньше у него никогда не было. Въ разсказах о мимолетной встрече съ К. С. Станиславским авторъ хорошо показал источник этого нового настроения.

Извѣстно, что какъ театральныи критикъ Кугель былъ убѣжденнымъ и упорнымъ противникомъ московскаго художественнаго театра, врагомъ самыхъ принциповъ, на какихъ строился театр Станиславскаго. "Будучи въ хорошихъ и ровныхъ отношеніяхъ съ Вл. Ив. Немировичемъ-Данченко — пишетъ онъ — я имѣлъ случай познакомиться съ К. С. Станиславскимъ сравнительно поздно въ 1921 или 1922 г. незадолго до отъѣзда Художественнаго театра въ Америку. Произошло это на улицѣ въ Москвѣ, на трамвайной остановкѣ. Что передумано было за это мгновѣніе нами обоими — предостановлю судить читателю. Но самая обстановка этого момента осталась во мнѣ глубокой слѣдъ. "Ну, что?" казалось спрашивалъ онъ меня, и говорилъ я ему: "Ну вотъ"... Всю жизнь можно сказать спорили и не понимали, а жизнь та исторія, вотъ какъ просто все обернуло. И журнала то нѣтъ, и театръ убѣждаетъ, и вообще не похоже ли это, т. е. продолженіе прошлыхъ недоразумѣній, на то, какъ если бы мы держали вертелъ на уголькахъ костра и поворачивали его такъ и этакъ, а дичи то давно уже нѣтъ, все чисто, все обглодано".

Журналъ, о которомъ говоритъ А. Р. Кугель — это "Театръ и Искусство", его дѣйствіе, сыгравшее не малую роль въ исторіи русскаго театра за его предвоенный періодъ. Авторъ разсказываетъ какъ былъ основанъ журналъ на нѣсколько сотъ рублей, часть которыхъ онъ неожиданно выигралъ въ карты. Редакцію составляли самъ основатель журнала, молодой еще журналистъ, да два его брата

студента. Писатели, друзья и знакомые А. Р. Кугеля долго поддерживали журналъ, давая "на зубокъ" новорожденному статьи и разсказы. Кроме того, "театральный журналъ, какъ все, что имѣетъ отношеніе къ театру, привлекаетъ къ себѣ множество безкорыстныхъ поклонниковъ. Стоило появиться объявленію объ изданіи журнала, какъ посыпались корреспондентскія и предложенія изъ всѣхъ уголковъ Россіи. Въ огромномъ большинствѣ это были люди, любившіе театр — театр вообще — каждый гвоздь въ немъ и каждую пуговицу, и не пользовавшіеся отъ театра ни гвоздемъ ни пуговицей, а только званіемъ "театралъ" и "любитель театра". Среди корреспондентовъ, наче всего любившихъ театръ, были люди всякаго званія и положенія: купцы, аптекари, адвокаты, доктора, типографщики, учителя гимназій, чиновники казенной палаты, журналисты. Одинъ былъ, когда началъ писать корреспондентскія, инспекторомъ народныхъ училищъ, а потомъ сталъ помощникомъ попечителя учебнаго округа, но продолжалъ писать и очень аккуратно о томъ, какъ Снегирева-Орловская талантливо провела свою роль, но въ бенефисъ ей случилась пренеприятная исторія: ей соперница Эженю Вечера - Козловская, переставъ самымъ спектаклемъ отказалась участвовать, вопреки всѣмъ правиламъ профессиональной этики. Эти вѣрные друзья театра и безкорыстные корреспонденты встречали меня, когда мнѣ приходилось бывать въ провинціи, какъ генералъ - губернатора".

Въ столицѣ театръ, играя и другую роль. Перефразируя знаменитое выраженіе Эмиля де Жирардена — что "журналистъ ведетъ ко всему", т. е. открываетъ всѣ дороги, у насъ можно было скорѣе сказать, что театръ ведетъ ко всему. "Театръ" полуоткрывалъ двери въ салоны и канцеляріи, въ министерства и гостиницы, въ банки и департаменты. Театръ былъ какъ бы нейтральной зоной, гдѣ сходились безъ риска скомпрометтироваться представители разныхъ социальныхъ, нѣрѣдко враждебныхъ и во всякомъ случаѣ разобщенныхъ классовъ и проводили время въ

дружелюбномъ общеніи. Въ предреволюціонной Франціи это наблюдалось еще въ болѣе яркой степени". А. Р. Кугель вспоминаетъ цѣлую галлерею сановниковъ — писавшихъ рецензіи и пьесы "подъ псевдонимами и анонимами", любительствовавшихъ и поигрывавшихъ на "благородныхъ спенахъ".

"Состоя при театрѣ профессионально, я — говоритъ А. Р. Кугель — невольно попалъ въ кругъ многихъ сановниковъ и знатныхъ людей, попалъ несмотря на несъма скромное и такъ сказать оліозное свое происхожденіе, общество свѣтскихъ манеръ и неособенно уживчивый нравъ. Передъ рецензіей власть, даже самая абсолютная, была совершенно безсильна. Въ одной иностранной газетѣ послѣ смерти Витте, съ его словъ, былъ напечатанъ разсказъ о томъ, какъ однажды во время высочайшаго доклада Николай II, выслушавъ нѣтъ сообщенія Витте о новыхъ мѣропріятіяхъ въ области тарифной и финансовой политики, устремилъ въ отдаленіе загадочный взоръ, что у него всегда служило признакомъ мучительной нерѣшимости и, наконецъ, послѣ долгой паузы молвилъ:

— Сергій Юльевичъ, знаете ли вы Кугеля?

Сергій Юльевичъ отвѣтилъ, что не знаетъ, но можетъ узнать. Тогда Николай II, смущенно поглаживая усы, сказалъ:

— Не могли бы вы устроить, чтобы онъ не бранилъ такъ Матильду Феликсовну (Шеншенскую)? Сергій Михайловичъ очень нервничаетъ, что въ своемъ журналѣ Кугель ее бранитъ".

Витте объяснилъ, конечно, съдѣлать все возможное и имѣются данныя, указывающія на правдоподобность этого анекдота. "Кажется въ 1911 году "Кривое Зеркало" (театръ А. Р. Кугеля) получило приглашеніе пріѣхать въ Царское Село и дать въ домашнемъ театрѣ паріи представленіе. Всѣ переговоры по этому дѣлу велъ дворцовый комендантъ Дедюлинъ, обставившій эту миссію крайне таинственно и конфиденціально. Наканунъ спектакля, обсуждая съ директрисой театра З. В. Холмской подробности предстоящаго событія, Дедюлинъ, замѣшавшись, сказалъ:

— Я долженъ довести до вашего свѣдѣнія, что царю будетъ непріятно присутствіе Кугеля. Онъ его не любитъ".

З. В. Холмская поспѣшила успокоить Дедюлина, сообщивъ ему, что Кугель по дѣламъ уѣхалъ въ Москву.

Спектакль въ Царскомъ Селѣ имѣлъ огромный успѣхъ, особенно народія на провинціальныхъ гастролеровъ, — "Гастролеръ Рычалова". Послѣ представленія, артистовъ и музыкантовъ оркестра угощали ужжиномъ, предварительное освѣдомившись о вѣроисповѣданіи приглашенныхъ. Въ оркестрѣ, какъ водится, было не мало евреевъ, причемъ оказалось, что всѣ они "анабаптисты". Удивившись шампанскимъ, одинъ изъ оркестровыхъ "анабаптистовъ" въ порывѣ вѣроподданческаго чувства поднялъ бокалъ "за здоровье насѣднаго принца". Онъ хотѣлъ сказать "наслѣдника цесаревича", но въ переводѣ на анабаптистскій языкъ это вышло "наслѣднаго принца". "Каковому анабаптистическому выраженію изволили много смѣяться".

Въ книгѣ А. Р. Кугеля проходитъ цѣлый калейдоскопъ театраловъ людей и событий. Говоря о театрѣ Суворина, онъ вспоминаетъ знаменитый скандалъ на первомъ представленіи антисемитской пьесы еврея Эфрона - Литвина "Контрабандисты". Враждебная пьесѣ демонстрація готовилась давно. Всѣ знали, какимъ духомъ проникнута пьеса, въ которой отказалась играть премьерша театра Яворская.

"Стала собираться публика — разсказываетъ объ этомъ спектаклѣ Кугель. Въ верхнихъ ложахъ, въ ярусахъ, на балконахъ было много учащейся молодежи, на галлереяхъ — десятка два повидимому рабочихъ въ пиджакахъ и косовороткахъ. Въ ложѣ бель-этажа сидѣла Яворская съ мужемъ. Въ партерѣ много интеллигенціи, obviously не посѣщавшей Суворинскаго театра. Зала была переполнена. Едва поднялся занавѣсъ, какъ изъ ложъ, съ галлерей и балконовъ начался свистъ. Затѣмъ стали кричать и стучать. Потомъ оглушительно завизжали морскія свистки. Ни одного слова нельзя было разобрать даже на самой сценѣ. Опустили занавѣсъ, но полиція потребовала продолженія спектакля. Шумъ и свистъ стали еще оглушительнѣе. Городовые бросились вытаскивать изъ ложъ и верхнихъ мѣстъ демонстрантовъ, волоча за волосы женщинъ. Историческіе вопли огласили залъ. Началась какая то всеобщая пляска съ Витта. Самая мирная публика металась въ истерикѣ.

Прославившаяся впоследствии по процессу Лидвалы содержательница мастерской дамскихъ нарядовъ, мадамъ Детеръ, вывинула бинокль на сцену и угодила въ голову актеру. Всѣ требовали прекращенія спектакля, но спешивъ по телефону съ высшимъ начальствомъ и министромъ полиціи категорически настаивала на продолженіи спектакля, дабы не пострадалъ "престижъ власти". Того же требовалъ бывший въ театрѣ принцъ Ольденбургскій, извѣстный тѣмъ, что у него "не всѣ были дома". И такъ какъ актеры отказывались играть, опасаясь, что подвергнутся нападенію со стороны демонстрантовъ, то большій нарядъ городовыхъ былъ введенъ также и на сцену.

Безсмысленная пантомима разыгрывалась на сценѣ въ то время, какъ неумолимый шумъ, стукъ, трескъ, свистъ, стоны и ревъ наполняли театръ. Въ партерѣ зрители переходили съ мѣста на мѣсто, обмѣниваясь замѣчаніями. Другіе свистѣли. Извѣстный профессоръ химіи и журналистъ, М. Ю. Гольштейнъ, погибшій въ Архангельскѣ, куда онъ былъ сосланъ въ 1905 году, при столкновеніи съ черносотенной демонстраціей, свистѣлъ въ свистокъ, что есть мочи и безъ перерыва. "Исполняя гражданскій долгъ" — сказалъ онъ мнѣ, вымучъ на мгновѣніе свистокъ изъ рта и немедленно впаививъ его на прежнее мѣсто. Такъ прошло около часа времени. Почти вся случайная театральная публика разошлась и, наконецъ, пантомима закончилась. У выходовъ полиція хватала демонстрантовъ. На улицѣ продолжались дикія и душю раздражающія сцены: прибывали пожарные съ факелами, конные жандармы; фыркали лошади, визгивали женщины; вырывались и заставляли отрывки революціонныхъ пьесъ, а изъ за кулисъ согнутыми, дрожащими тѣлами вывозили во тьму задняго двора не успѣвшихъ разгримироваться актеровъ, окруженныхъ топотающими ногами городовыхъ".

На слѣдующій день Кугеля вызвалъ въ департаментъ полиціи пресловутый Ратаевъ, тоже любитель театра, и посоветовалъ во избѣжаніе недоразумѣній воздержаться отъ рецензій о "Контрабандистахъ", такъ какъ "наверху очень серьезно взглянули на скандалъ въ Маломъ театрѣ". Кугель молчать отказался, но многократно перодѣлывать рецензію, прежде чѣмъ отправить ее въ цензуру.

Въ главѣ о Чеховѣ А. Р. Кугель вспоминаетъ первое представленіе — провалъ "Чайки" въ Александринскомъ театрѣ. Артисты совершенно не чувствовали пьесы и не подходили къ ролямъ. Даже у Кошисаржевской въ этотъ злополучный вечеръ рѣшительно не было ни одной душевной нотки. "Провалъ почувствовался съ первымъ же сценѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ катастрофическихъ театраловъ — я ихъ пережилъ и перевидалъ съ дюжиной, — когда публика, не успѣвъ и не понявъ, чего хотятъ актеры, съ необычайнымъ упрямствомъ и необычайнымъ легкомысліемъ не желаетъ вникать въ дѣло и создаетъ спектакль изъ своего собственнаго веселаго настроенія. Тогда артисты, пугавшіеся и раньше въ роляхъ, которые они плохо чувствовали, окончательно теряютъ власть надъ собою и либо стараются скорѣе отбарабанить слова и уйти со сцены, либо — что еще хуже и уже совѣтъ неблагопріятно, — начинаютъ играть въ тонъ публикѣ, не только не пытаясь сдѣлать слова роли болѣе вразумительными, но, наоборотъ, сугубо подчеркивая ихъ кажущуюся явноразумительность и превращая спектакль въ пародическое представленіе". "Моя рецензія — пишетъ Кугель — была недоброжелательна какъ и большинство другихъ. Невозможно было — скажу въ оправданіе свое — не отразить общаго настроенія зала. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ зала хотела порою какъ сумасшедшая: такъ было, напримеръ, когда Чайка-Кошисаржевская въ послѣднемъ актѣ завертывается въ простыню, изображая чѣ то театральное или свисту/сценическое переживаніе. Дѣйствительно, подѣ тѣмъ полу-пародическимъ угломъ зрѣнія, какому публика смотрѣла на "Чайку" съ самаго начала эта, дѣйствительно откуда взявшаяся, коленикаровая простыня, въ которую завертывалась артистка, могла вызвать то, что. Все въ этомъ представленіи было такъ грубо и такъ праждебно стилизованно Чехова, если позволено будетъ прибѣгнуть къ сентиментальному обороту рѣчи".

Какъ извѣстно, Чеховъ убѣждалъ въ театрѣ и уѣхалъ въ Москву. Только что разѣзъ нѣсколько дѣтъ Художественный театръ показалъ публикѣ настоящую "Чайку" и изображеніе былои птички стало эмблемой театра.

Р. Соловьевъ